

Двойной портрет

Общая газ. - 2000. - 16.22 марта - С.3

Олег ПОПЦОВ

ЗА ДВА ДНЯ до катастрофы мне позвонила сотрудница «Совершенно секретно» и сказала: «Артем Боровик с вами договаривался об интервью, назначьте время». И хотя Артем со мной ни о чем не договаривался, я дал согласие, долго выискивал свободный час, а затем заметил: «Ведь не горит. Давайте созвонимся завтра».

А на следующий день его не стало. Тёма погиб. Непредсказуемо, внезапно, абсурдно. Самолет, едва оторвавшись от земли, рухнул на нее тотчас.

Еще не расшифрован черный ящик. Еще эфир, разорванный этой внезапностью, отрывочно, клочками, наспех возвращает его образ. Много фотографий, достаточно интервью, не из далекого далека, а только вот-вот, когда возможно сказать: «Мы еще вчера с ним договаривались, мы спорили, он предупреждал. У нас была идея».

Я так и не наладился называть его Артемом и уж тем более Артемом Генриховичем. Тёма. Ласково и просто — Тёма.

Я мог бы сказать — мы были хорошо знакомы, симпатизировали друг другу. У нас было достаточно общих замыслов, но столь же верно уточнение — наше общение можно считать отрывочным, не детальным. И я вряд ли мог ответить на вопрос: «Чем в настоящее время занимается Тёма?» Они — это поколение, как бы наши дети, идущие во след. Самые близкие нам, самые осязаемые для нас, и равно самый незнакомый нам мир.

За свои неполные сорок лет он сумел сделать очень много. Именно сделать. Написать, снять, смонтировать, создать, организовать. Он был штучным, не коварным журналистом. Нацеленным, нетерпеливым, вмешивающимся.

Есть такая данность — свидетели времени, присяжные эпохи. Артем из этой когорты.

Горбачевскую перестройку он воспринял почти с юношеским восторгом. У него было обостренное чувство свободы. По этой причине неудержимая приверженность к самостоятельности. Желание оторваться от отца, отделаться от его тени уже в самом начале журналистской биографии. Отец — известный писатель, журналист-международник, телевизионный кумир восьмидесятых Генрих Боровик. Та самая плеяда открывателей запретного закордонья: А. Бовин, В. Зорин, А. Каверзнев, С. Кондрашов, В. Дунаев, В. Цветов. С них все началось. Они первыми обрели право рассказать стране, что там, в далеком зарубежье, живут не наши враги, а преуспевающие и сумевшие больше нас люди. И самостоятельность там ценится выше всего. Это была первая инъекция разрешенной свободы — говорить о том мире не враждебно, но и без восхищения.

Артем оказался в эпицентре этой сравнимости.

С той минуты огоньковский журналист, а затем телевизионный «взглядовец» начал строить себя сам. Годы шли, а в нем нарастала эта энергетика независимости и риска. И Афганистан для него был не пространством на географической карте, а чертой характера.

И газета «Совершенно секретно» — это тоже тропа риска. Юлиан Семенов заразил его страстью проникновения в неизвестное, запрещенное, закрытое. Артем пошел дальше, проникая не в вымышленную тайну, а в данность реальной жизни, в ее самую зашторенную зону — бытие власти.

Отец привил ему интерес к политике. И он уже не мог остановиться в своем постижении.

А постигая, пережив шокое потрясение от познанного и увиденного. Удивительное смешение алчности, безволия, амбиций и некомпетентности. И это все в одном слове — власть.

Был ли он романтиком? Бесспорно, как все творческие и деятельные люди. В его поступках не было идеальности, и он никогда на этом не настаивал.

Был ли он максималистом? Если считать максимализмом честность — то да.

Когда ложь становится средой обитания целой страны, то любая человеческая положительность попадает в разряд радикализма. Абсурдно по существу, но логично по форме.

Он был не бедным человеком, возглавлял вполне преуспевающий коммерческий холдинг: две газеты, производство телепрограмм, издательство. И в то же самое время в своих воззрениях остался бескомпромиссным государственным. Его заботила популярность его дела и гораздо в меньшей степе-

американскому издателю Цукерману.

— Правильно ли я понимаю, что Вероника Хильчевская может в любой момент, без всяких согласований, продать любую структуру холдинга — кроме «Версии»?

— «Версию» без согласия американцев действительно продать нельзя. Как действительно и то, что остальными организациями Вероника может распорядиться по своему усмотрению. Но в ее планы, как она сама нам уже сказала, никакие «продажи» не входят. Она намерена продолжить дело своего мужа.

— Как отреагировали на страшную весть ваши американские партнеры? Как будут строиться ваши отношения дальше?

— Был шок, как и у всех нас. Отношения, конечно, продол-

жатся, тем более что эти отношения во многом строились на личных контактах наших зарубежных партнеров с Вероникой. Сам Артем, незадолго до своей гибели, уладил с американцами все принципиальные вопросы, подписал все документы. У «Версии» нет долгов перед американцами. Они инвестировали деньги в проект, газета начала постепенно приносить прибыль, за год мы удвоили тираж, и в течение ближайших месяцев мы начнем возвращать инвестиции. Никаких жестких требований немедленного возврата денег нет.

— Вы продолжите деловые переговоры с «Альянсом»?

— Несомненно. «Альянс», кстати, не единственный наш деловой партнер. Другое дело, что имена партнеров вообще разгла-

шать не принято — это коммерческая тайна. О наших отношениях с «Альянсом» узнали из-за катастрофы. В этих отношениях украинское издание «Версии» было только первым этапом. Мы думали об издании газеты и в других регионах, где наши интересы с «Альянсом» совпадают, — это, например, Казахстан. Есть регионы, в которых «Альянс» заинтересованности не проявлял, и тогда, как в случае с Азербайджаном, мы находили других партнеров. Но речь ни в коем случае не шла о продаже «Альянсу» акций самой газеты.

— Кто теперь возглавит холдинг «Совершенно секретно»?

— Его уже возглавила Вероника Хильчевская.

Елена РЫКОВЦЕВА

ни собственная популярность. Он из команды непослушной интеллигенции новой волны.

Убеждения шестидесятников Артем считал едва ли не политической эталонностью. Однажды он сказал мне: «Их время не может уйти в никуда. Я преклоняюсь перед ними. У них есть запас политического бескорыстия».

Его многие ценили и любили, но в то же время где-то внутренне опасались, как можно опасаться всякого раскрывателя запретности, от которой неизвестно чего следует ожидать. Внезапно вышедшие владельцы страны были с ним настороже, а те, кто признавались ему в любви, очень часто делали это вполголоса, дабы не услышала рядом стоящая власть. Его мужество, а он был мужественным человеком, выглядело не поддельным, не куражистым. И команда, которую он собирал вокруг себя, работала постоянно в режиме гражданской смелости. В какие-то мгновения он чувствовал себя Робин Гудом, справедливым разбойником, наивно полагающим, что заставит воров вернуть награбленное. Он говорил об этом вслух.

Его обвиняли в радикализме, в симпатиях к коммунистам. Нет-нет, он был категорически не радикален и чужд коммунистическому догматизму и популизму. Он просто считал развитие страны в экономике, общественном сознании, образовании, кстати и бизнесе тоже, невозможным вне морального и нравственного поля. В ином случае страна превращается в необъятное криминальное пространство. Что и происходит на наших глазах. Его неудобство для властей было даже не в проникании в ее коридоры. Он высаживался со своей командой на плацдарм неправого дела, которое вершила власть. И там, обретая союзников из числа пострадавших, становился для власти осязаемой угрозой. Это могли быть Чечня, нефтяной бизнес, алюминиевый бизнес, операции по «отмыванию» денег. Да мало ли в чем грешна коррумпированная власть. И так — его нет.

Похороны были многоядными. Зал пла-

ленным. На какой-то миг журналистское сообщество спохватилось и независимо от воззрений большинства газет, телевизионных каналов отдало должное его памяти. Но это было лишь мгновение, миг.

Возможно, по стечению обстоятельств, но именно на следующий день гибели известного журналиста и известного бизнесмена, гибели странной, Владимир Путин провел закрытую встречу с прессой. Президентская команда собрала своих. Ни одного издания — возможно, за исключением «Общей газеты» и «Сегодня», — высказывающего даже не критику, а сомнение или беспокойство по поводу действий нынешней власти, приглашено не было. Особым клеймом помечены все московские издания. Та самая часть кремлевской команды, что сеет раздор в обществе, еще раз напомнила нам: «Мы властвуем в этой стране. И покой вам только снится». Осталось малое — спросить страну, устраивает ли ее, что они властвуют?

Федеральная власть отмежевывалась от похорон Артема Боровика. Беда, которая во все времена объединяла здравых людей, на этот раз оказалась бессмысленной. Постыдный рецидив, но он случился. А может, это сама власть боится каких-либо открытий относительно деяний, которым положено быть совершенно секретными.

Трагедия нашей жизни в том, что никакой вывод комиссии относительно технических неисправностей либо летного головоулетства, ставшего причиной авиационной катастрофы, не развеверит сограждан в неотступной мысли, что трагические случайности в нашей стране происходят только тогда, когда того кто-то желает.

Артем Боровик хотел переломить эту пагубность в сознании сограждан. Он желал вернуть нации ее истинный дар — совесть. Возможно, он делал это бескомпромиссно, с вызовом. Но он это делал.

А в день похорон Тёмы мне позвонила все та же сотрудница «Совершенно секретно» и повторила фразу: «Артем Боровик договаривался с вами об интервью. Назначьте время».

«Совершенно секретно» не продается

Шеф-редактор изданий «Совершенно секретно» Рустам АРИФДЖАНОВ — о сегодняшней ситуации вокруг холдинга

— Кому теперь принадлежит холдинг «Совершенно секретно»?

— Наследникам Артема Боровика. Его жене, Веронике Хильчевской, и его детям.

— Это значит, все структуры, входящие в холдинг, целиком являлись собственностью Артема?

— Фактически, да. Холдинг — это несколько организаций: «Совершенно секретно. Телеком», «Информационно-издательская группа «Совершенно секретно», издательство «Совершенно секретно», газета «Версия». У каждой из этих структур были свои акционеры, но всюду контрольный пакет принадлежал Артему. Кроме единственного исключения — газеты «Версия». Там — пятьдесят на пятьдесят. Другой половиной акций владеют структуры, близкие к